

УДК 281.93

Н.И. Сазонова

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ПАТРИАРХА НИКОНА (1654–1666 гг.) И ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИКОНОВСКОЙ СПРАВЫ ТРЕБНИКА)

Рассматривается литургическая реформа патриарха Никона (1654–1666) в связи с государственно-церковными взаимоотношениями и направленностью их трансформации. Рассматривается понимание патриархом Никоном и реформаторами отношений Православной церкви и государства в связи с их религиозно-политическими воззрениями, и, в частности, с пониманием православного царства. Исследуется проявление религиозно-политических взглядов патриарха Никона в «исправлении» богослужебных текстов на примере Требника, дается оценка результатам никоновской реформы, связанным с государственно-церковными отношениями.

Ключевые слова: православие, литургическая реформа патриарха Никона, государственно-церковные отношения, богослужебные тексты, требник.

Патриарх Никон является одной из самых неоднозначных фигур в истории российской государственности, что связано не только с противоречивыми оценками его литургической реформы, вызвавшей церковный раскол, но и с его отношениями с государственной властью. Много принято говорить о политической активности Никона [1. С. 244], что объясняется принципом патриарха «священство выше царства», в котором особо выделяется политический аспект, а отношения церкви и государства рассматриваются вне связи с деятельностью патриарха по реформированию богослужения, которая являлась для него основной. Этот подход характерен уже для современников патриарха: так, церковный Собор 1666 г. низложил патриарха по причине его противостояния царю, но подтвердил внесенные им богослужебные и обрядовые изменения [2]. Во многом таким же образом поступают и некоторые современные исследователи деятельности патриарха [3], отстаивая необходимость его канонизации по основаниям государственной деятельности и личных качеств, но не рассматривая литургическую реформу – главное дело жизни патриарха. Представляется, однако, что такой подход во многом противоречит тому, что мы знаем о личности патриарха Никона: даже в старообрядческой версии «жития» патриарха Никона отмечается стремление Никона к монашеству уже с ранних лет [4], не отрицают старообрядцы и влияние на мировоззрение Никона его наставника, пустынножителя Елеазара Анзерского [5]. В связи этим встает вопрос, имели ли «личные амбиции» Никона связь с религиозным контекстом и были ли они «политическими» в светском понимании этого термина. Представляется, что для удовлетворительного разрешения этого вопроса стоит обратиться к анализу не только госу-

дарственной, но и собственно церковной деятельности патриарха Никона и обратиться к его литургической реформе.

Одним из основных направлений реформы была справа богослужебных текстов. Несмотря на то, что исторические аспекты никоновского книжного «исправления» в последние годы получают отражение в работах исследователей [6, 7, 8, 9, 10, 11], смысловое содержание произведенных реформой изменений богослужебного текста все еще остается малоизученным. Не умаляя значимости смыслового анализа sprawy других богослужебных книг, отметим, что интересующий нас религиозно-политический аспект никоновской реформы в наибольшей степени отражен в справе богослужебной книги Требник: именно эта богослужебная книга наиболее тесно связана с повседневной жизнью верующих, содержа в себе как чинопоследования таинств, сопровождающих человека от рождения до смерти, так и чины и молитвы, совершаемые священником «по требованию» прихожан. Таким образом, изменения, указывающие на возможные трансформации в области понимания государственно-церковных отношений, именно в тексте Требника могут быть выявлены наиболее полно. При анализе изменений, внесенных никоновской реформой в текст Требника, мы будем сопоставлять никоновские тексты с текстами богослужебных книг, изданных в период деятельности «кружка ревнителей благочестия» (вторая четверть XVII в.), так как именно эти дониконовские тексты в основном воспринимались старообрядцами как эталонные. В частности, это Требники 1636, 1639 и 1651 гг., экземпляры которых сохранились как в фондах музеев и библиотек Москвы и С.-Петербурга, так и в фондах региональных музеев и библиотек. Что касается никоновских изданий

Требника, то в период участия патриарха Никона в реформе Требник был издан единожды – в 1658 г., и именно это издание и может пролить свет на религиозно-политический аспект реформы [12].

Прежде чем рассматривать отражение в материалах никоновской sprawy взглядов реформаторов на государственно-церковные отношения, отметим, что само понимание власти в XVII в. тесно связано с религиозным контекстом. В средневековом сознании, по словам А.Я. Гуревича, «иерархии божьих тварей и чинов ангельских изоморфна земная феодальная система» [13. С. 41], а земная властная иерархия является частью иерархии духовной. Поэтому видение реформаторами государственно-церковных отношений должно рассматриваться в контексте изменений, касающихся духовной иерархии в целом. В этой связи обращает на себя внимание существенное количество изменений текста, касающихся именно этого аспекта.

Большая группа изменений связана с возвышением статуса архиерея по отношению к священнику. Это проявляется уже в области состава Требника: если до реформы священник имел право освящать церковь, то после реформы это становится прерогативой архиерея, в связи с чем и чин освящения церкви удален из Требника 1658 г. Это изменение было воспринято противниками реформы как проявление «годыни» патриарха [14. С. 245], однако необходимо отметить, что, наряду с повышением статуса архиерея по отношению к священству, присутствует и повышение статуса священника по отношению к мирянину. Именно изменения этой группы во многом дают ключ к пониманию нового видения государственно-церковных отношений, отраженного в никоновских текстах. Наиболее нагляден в этом отношении чин Исповеди.

Очень характерна тональность обращения священника к исповеднику в дониконовском Требнике: «... И ты, чадо, не устыдися лица человека... Не устыдися лица моего, но вся ми исповеждь... без стыдения, аз бо таков же человек и грешнее всех человек» [15. Л. 147об.–150; 16. Л. 195; 17. Л. 195] (выделено мною. – Н.С.). Таким образом, исповедь является не только покаянием грешника, но и актом смирения и покаяния самого священника. Иную тональность получило обращение священника к исповеднику в никоновском Требнике: «Се, чадо Христос невидимо стоит, приемля исповедание Твое. Не усрамися, ниже убойся, и да не скроеши что от мене... Аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаши...» [18. С. 65]. Здесь, как видим, нет речи о личной греховности священника, но причиной этого становится не личная гор-

дыня: таинство совершает не просто человек, а носитель Благодати священства. В таком случае личная его греховность намного менее значима. В связи с возвышением статуса священника находится и характерное изменение в чине Крещения: если в дониконовском Требнике сосуд с елеем (освященным маслом) для помазания мог держать «кум» (крестный), мирянин, то в никоновском Требнике держать сосуд с елеем предписано диакону, то есть духовному лицу [15. Л. 102об.–103; 18. С. 43–44]. Возможно, что необходимость подчеркивания значения священного сана вызвала достаточно серьезные изменения в чине священнического погребения: если ранее чин был основан на чине погребения мирян, то в никоновскую редакцию Требника включен чин, радикально отличающийся от дониконовского как порядком совершения, так и содержанием, наличием множества совершенно особых молитв и тропарей.

Именно в контексте более четкого структурирования духовной иерархии становится понятным присутствующее в богослужебных текстах существенное расширение и увеличение количества молитвенных прошений о патриархе и царе. Помимо введения прямых прошений «о святейшем патриархе» (вместо дониконовского «о патриархе нашем») и «о благочестивейшем, тишайшем государе нашем», «о благочествейшем царевиче и благородных царевнах» [15. Л. 57об.–59; 16. Л. 74–74об.; 17. Л. 74–74об.; 18. С. 208–212], в фрагментах текста, отсылающих к событиям Ветхого Завета и церковной истории, специально подчеркивается царское достоинство правителей или священный сан людей, о которых идет речь. Например, в молитве на пострижение волос после Крещения слова «якоже благословил еси Давида...» заменены на «Давида царя», а в чине Елеосвящения в 6-й песни Канона слова «и святии тем совершил еси знамение Твоим» заменены на «в царех помазание, и архиереи сие совершивый» [15. Л. 201об.; 18. С. 128]. Показательно также изменение в стихире в чине погребения мирян, где слова «и паки разсмотрих во гробех, и видех кости обнаженны, и рех, кто есть, царь или нищ, или праведник, или грешник» расширены до «... царь или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник» [15. Л. 333–334; 18. С. 319–323]. Тем самым удаляется прямое сопоставление царя и нищего – «верха» и «низа» социальной лестницы, что подчеркивает несравнимость и несопоставимость этих социальных статусов. В целом, как отмечает Б.А. Успенский, «со второй половины XVII в. становятся вполне обычными сакральные эпитеты по отношению к царю» [19. С. 350], что вызывает резкие

возражения, например, протопопа Аввакума: «Ныне у них все наось и поперец; жива человека в лице святымъ называй... В Помяннике напечатано сице: помолимся о державном святом государе царе» [20. Стб. 465–466]. Неприятие нововведения отражает, очевидно, не протест против царской власти, а непонимание того факта, что сакральный эпитет относится не к царю, как конкретному человеку, а к царю как одному из высших чинов духовной иерархии.

Показательно, что текстовых изменений, касающихся выстраивания и структурирования духовной иерархии в целом, в богослужебных текстах существенно больше, чем изменений в области понимания царской власти. Уже это говорит о том, что новое понимание царской власти как «святой» находится в общем контексте попытки структурирования духовной иерархии, которая предпринимается в процессе sprawy. Направленность реформы на возвышение духовного сана отражается и в сочинениях патриарха Никона, утверждающего коренное различие царства земного, «исполненного зол», и Царства Небесного, которое представлено священством: «Почто низводиши священство, горе сидящее на небеси?» – резко вопрошает патриарх своего оппонента, боярина Стрешнева [21. С. 283]. Таким же образом понимается патриаршество: «Патриарх есть образ жив Христов и одушевлен делесы и словесы, в себе живописуя истину» [21. С. 228]. В этом контексте сакрализуется и видение царской власти, однако, поскольку Царство Небесное выше земного, постольку и «священство боле есть царства». Поэтому сам принцип соотношения священства и царства может рассматриваться не как вопрос отношений церковной и светской властей, а как принцип соотношения духовного, представленного священством, и мирского, представленного в том числе и светской властью. При этом для религиозного человека решение вопроса о приоритете священства перед царством представляется органичным, очевидным и никак не связанным с какими-либо личными амбициями отдельных священнослужителей.

Проблема, однако, состояла в том, что идея патриарха Никона натолкнулась как на политическое противодействие, так и на непонимание значительной части верующих. Резкое и одномоментное изменение понимания священства, патриаршества, царской власти вызвало непонимание: царская власть восприняла никоновский принцип «священство боле есть царства» как проявление политических амбиций, что осложнило отношения церкви и государства, в целом же верующие не поняли смысла и направленности реформы в пла-

не структурирования духовной иерархии «Святой Руси». Таким образом, взгляды патриарха Никона лишились поддержки как государственной, так и народной, что способствовало резкому падению церковного авторитета и в дальнейшем подчинению церкви государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Знаменский П.В.* История Русской церкви. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1996. 478 с.
2. *Кантерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. М. Елова, 1902–1912. Т. 1–2.
3. *Шmidt В.В.* Юбилей Патриарха Никона // Вестник Российского философского общества. 2006. № 2 (38). С. 74–76.
4. *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческое «антижитие» патриарха Никона // Святые и святые северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 221–230.
5. *Гунн Г.П.* Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 231–242.
6. *Аввакум*, прот. Послание к некоему Ионе // Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900. Приложение. С. 26–37.
7. *Поздеева И.В.* Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 147–158.
8. *Дадькин А.В.* О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском Печатном дворе // Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор: факт и фактор истории русской культуры. М., 2007. Кн. 1. С. 117–156.
9. *Агеева Е.А.* Требник 1658 г.: история издания // Патриарх Никон и его время. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 174–188.
10. *Крылов Георгий* (протоиерей). Книжная справа XVII века: Богослужебные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.
11. *Сиромоха В.Г., Успенский Б.А.* Вывычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 75–84.
12. *Сазонова Н.И.* Текстология «исправления» Требника при Патриархе Никоне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3 (66). Серия: Гуманитарные науки (История, археология, этнология). С. 112–116.
13. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
14. *Романо-борисоглебского* попа Лазаря роспись вкратце церковным раздорам, их же собра Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: б.и., 1878. Т. 4. С. 179–256.
15. *Требник.* М.: Печ. Двор, 26.IX.1651. РГАДА СПК 3518. 688 л.
16. *Требник.* М.: Печ. Двор, 29.VII.1639. БАН № 195 СП. 668 л.
17. *Требник.* М.: Печ. Двор, 29. VIII. 1636. РГАДА БМСТ/СПК 1386. 524 л.
18. *Требник.* М.: Печ. Двор., 10.XII.1658. РНБ Инв. № 970. 1030 с.
19. *Успенский Б.А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 333–367.
20. *Аввакум.* Книга толкований и нравоучений // Демкова Н. С., Сесекина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В.И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1990. С. 60–99.
21. *Возражение*, или Разорение смиренного Никона, бывшего Московского патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисеевы // Никон, патриарх. Труды. М.: Изд. МГУ, 2004. С. 197–463.